

ГОДАР

КОГДА САДИТСЯ СОЛНЦЕ

18+

Годар

Когда садится солнце

«Автор»

2026

Годар

Когда садится солнце / Годар — «Автор», 2026

В городе Ганн на краю материка есть университет, из которого, по слухам, выходят отменные политики, посредственные медики и абсолютно никчёмные филологи. Осенью здесь начинают убивать студентов — по одному, аккуратно, будто вычёркивая имена из списка. Полиция ищет виновника, руководство колледжа — способ скрыть произошедшее, а пятеро друзей, которые ничего не знают друг о друге, задаются вопросом, не связаны ли убийства с событиями годичной давности, не подозревая, что ответ на главный вопрос сидит с ними за одним столом.

© Годар, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Святая тишина	9
Глава 2. Начало конца	15
Глава 3	19
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Годар

Когда садится солнце

Пролог

«Наступает утро, но ночь вернется».
Книга пророка Исаии 21:121

— Может, это Бог?

Молодой человек, зарывшись лицом в свои неестественно бледные руки, пробормотал слова совсем невнятно. Он смял их на языке, будто желая, чтобы его вовсе не услышали. Однако двое других юношей, сидевших рядом, были достаточно близки, чтобы уловить смятые обломки.

— В каком смысле? — слышалось справа от него. Он тихо выдохнул, пожалев о направлении своей мысли, которую имел наглость и неаккуратность выронить; подняв голову и выпрямившись, он с минуту моргал, пытаясь привыкнуть к оранжевому свету. В студенческой кофейне было тепло, об окна снаружи разбивался дождь — капля за каплей, словно на темечко, — а при мысли о том, что это убогое, все разодранное и старое, но все-таки теплое убежище вскоре надо было оставить, становилось плохо до тошноты. Голова начинала болеть: он с детства не переносил бессонницу и никогда не понимал, как другие люди могут с ней полноценно жить. У него же не вязались слова, во лбу горела пустыня, и моргание вызывало желание упасть на пол и там заснуть. Юноше был необходим сон, его отсутствие пробуждало в нем редкую для него злость и в то же время постоянно присутствовавшую — жалость к себе, которая в моменты бессонницы яро обострялась. Видимо, его голова уже грозилась упасть на грудь, повиснув в дремоте, когда его толкнули в бок.

— Фэлис, о чем ты говорил? — снова спросили справа.

Фэлис Чейз, к которому обратились, вновь грустно выдохнул, взял с темно-коричневого деревянного стола пластиковый стаканчик и отпил свою авторскую смесь: крепкий кофе, смешанный с клубничным молочным коктейлем. Он подвинулся на скрипучем стуле, устроившись так неудобно, чтобы кости впивались в старое дерево и отгоняли сон. Его черные волосы, за которые его прозвали «Вороном», вились во все стороны, а глаза, не менее черные, метали камни (камешки — единственное, на что он был способен) в каждый предмет, что попадался на пути, — юноша всем видом показывал свое негодование, как обычно делают люди, которые хотят, чтобы их пожалели.

— Я говорю: может, это Бог? — сказал Фэлис, медленно перебирая слова, что было для него делом непривычным: он так привык куда-то бегать, что и речь его, льющаяся, бежала то за ним, то впереди него.

— Это мы уже поняли, — прозвучал другой голос — на этот раз спереди, не сбоку. — А точнее?

— Вы, когда закрываете глаза, видите разноцветные пленки, полосы, кружки — пятна на черном фоне. Все их видят. Я и говорю: может, это Бог?

— Бог — это пятна под глазами? — хмыкнули сбоку.

— Божественная энергия.

— Божественная комедия, — фыркнули спереди. — На тебя так бессонница влияет или физика, если ты умудрился сравнить фосфен с Богом? В любом случае, тебе следует поспать, иначе ты начнешь бредить и, не дай силы небесные, пойдешь дальше: скажешь, что с помощью этих пятен Бог говорит с тобой, — и тогда мы тебя спасти точно не сможем.

Фэлис усмехнулся, уловив тон высказывания, но воспринял идею как занимательную.

— Отличная мысль.

Два голоса переглянулись. Тот, что находился сбоку, выдохнул, сев прямо на стуле, на котором до этого полулежал, откинув голову на накрытую твидовым пиджаком спинку (Фэлису очень нравился этот пиджак, он называл его щегольским). Голос взял очки с толстого практикума по нейрохирургии и нацепил их на нос, погружаясь в четкое видение окружающих вещей. Закинув ногу на ногу, он заговорил:

— Все французы такие, или ты исключение?

— Я только наполовину француз, Мэрион, — ответил Фэлис, нахмурившись. — Мой отец — немец.

— Значит, исключение, — кивнул названный Мэрион, с рождения — Мэрион Акер, уроженец Англии, студент медицинского факультета, молчаливый до тех пор, пока капля алкоголя не попадет в рот, а затем — льется латынь с его отравленного языка и какие-то неуловимые фразы про долг, честь и истину. И, судя по набору студентов на его факультете, напрашивалась мысль: неотвратимо начнешь делать так же, если эти врата неблагодарности и альтруизма захлопнутся за твоей спиной. Именно поэтому врачей в Ганне, университете на окраине материка, было меньше остальных? Мэрион провел длинными пальцами по русым волосам и немного скривил большой нос, удивительно вписывавшийся в его заостренные, как качественные ножи, черты лица; глаза, привыкнув к четкому обзору, вновь напомнили о себе тяжелой болью за глазами яблоками — они часто ныли, и немудрено при том количестве книг, которое Мэриону приходилось читать, чтобы походить на что-то, хотя бы отдаленно напоминавшее умного человека. Впрочем, это было привычкой в каком-то роде медицинской: врачи, неизвестно откуда взявшие такое стремление помогать другим, настолько прониклись человечеством и мыслью человеческой, что их собственная боль превращалась в перманентную, от пренебрежения перерастала в хроническую, и им оставалось только привыкать.

— Быть исключением — просто замечательно, — другой голос, насмешливый, дал о себе знать. Мортимер Мелтон — голос беззаботный, пропитанный самым сильным ядом — смехом. Смехом, направленным на суть жизни, словно она была древним дубом с гнилыми корнями, к которым его смех напрямую рыл себе путь, в самую глубину, чтобы достать зачаток причины всего происходящего на сырой от тихого дождя за окном земле. Мортимер вертел солнцезащитные очки в руках, открывая вид на свои голубые, как самое ясное небо, глаза. С их ярким светом, удивительно невинным и неслабо обиженным, контрастировали темные и страшные синяки под глазами. Смотря на Мортимера, Фэлис сомневался, что тот еще жив.

— Никаких проблем, не правда ли? — продолжал Мортимер. — Ты становишься особенным и можешь ощущать прелести привилегированности, делаешь все, что только душа пожелает. Именно так поступают добропорядочные англичане.

— А тебя волнует только вседозволенность? — вскинул бровь Фэлис.

— Конечно, — рассмеялся Мортимер. — Иначе жить было бы невыносимо.

«Удивительно, — вновь подумал Фэлис, — как его светлые глаза уживаются с таким грязным ртом».

Фэлис уж было хотел ответить, но не успел — его открывшийся рот забили чужие слова. То был совсем другой голос, до сих пор молчавший, но в конце концов дополнивший рассуждения трех юношей, мнения которых никак меж собой не сходились. Тот произнес:

— Умереть от скуки, потому что все испробовал, — это разве не невыносимо?

— Я старше, а он всегда пререкается, — возмутился Мортимер, оглядывая друзей. — Теперь такие нравы у молодежи? И куда мораль провалилась?

— Мораль забили до полусмерти, — ответил голос. — И то, что ты родился на пять минут раньше, не делает тебя умнее — только, как ты выражаешься, добропорядочнее, ведь ты позволил нашей матери передохнуть.

Молодой человек, прежде чем сесть с Мортимером, который, к счастью или к сожалению, являлся его братом-близнецом, положил перед ним на стол толстую книгу, бросив тихое «держи». Затем он уместился по левую сторону от него.

— А ручка? Внутри была ручка.

— Она лежит у меня на столе. У тебя ручек мало? — невозмутимо сказал Дилан, складывая руки на груди.

— Ручки сейчас на вес золота!

— Овидий¹? — удивился Мэрион, очевидно меняя тему на более его интересующую.

— Это какой класс? — поддержал Фэлис. — Пятый?

— Это жизнь, неучи, — закатил глаза Мортимер, убирая книгу к себе в сумку и попутно вздыхая об утраченной ручке. — На этих страницах смысла больше, чем в практикуме Мэриона.

— Моя книга хотя бы объяснит мне, как спасти жизнь.

— Медицина не всегда лечит, еще реже — спасает, — ответил Мортимер, цепляя себе на нос очки, тем самым закрывая себя черными стеклами от лишних глаз. Он надеялся, что за ними Дилан не заметит, как пронзительные голубые глаза проверяют, спал ли он, ел ли, пил ли и осталось ли в нем хоть что-то от человеческих потребностей, но глаза Дилана были хитрее. Поэтому уголок его губ пополз вверх, посылая Мортимеру обнадеживающий сигнал об общем состоянии, а потом он сам, повернув голову, подмигнул правым глазом — он светился темно-серым, в то время как левый был таким же, как оба у Мортимера. Глаза Дилана могли пугать, добавлять к его взгляду тяжесть, но Мортимер отчего-то находил в этих разноцветных точках успокоение, мысленно качая головой от таких сантиментов. Дилан тихо усмехнулся, будто прочитав мысли близнеца.

— Миллионы людей с тобой не согласятся, — возразил Мэрион.

— Боюсь, гения всегда отдают на растерзание толпы за гносеологическую гнусность, — усмехнулся Мортимер. — Такова моя участь.

В студенческой кофейне тишина пролегла вместо каменного пола. Были слышны лишь приглушенные голоса четырех студентов и редкий скрип то открывавшейся, то закрывавшейся двери, которая впускала внутрь, казалось, не людей, а отдаленное звучание грозы, проскакивавшей между потемневшими облаками, и грома, который сопровождал ее редким и коротким ревом. И все это было настолько далеко, что будто звучало на границе между сознанием и подсознанием.

— Участь сомнительная, — сказал Дилан.

— Почему же? — вскинул брови Мортимер. — Уже отрицаем преданность правде? На часах нет и одиннадцати.

— Это никак не связано с правдой. Есть она или нет — мы этого никогда не узнаем, но вот что я знаю точно: нет ничего хуже насильственной смерти. Когда вашу волю подчиняют и вершат над вами суд эти никчемные глупцы, не способные взять под контроль собственную жизнь и потому отыгрывающиеся на других, — вот что мерзко.

— Неужели лучше страдать от болезни, медленно, мучительно сгнивать и бродить по больницам, словно прося милостыню? — нахмурившись, спросил Мэрион.

— Ты точно будущий врач? — фыркнул Мортимер, но вопрос остался без ответа.

— Безусловно, — пожал плечами Дилан, глядя на друга. — Ты не можешь в полной мере контролировать нечто настолько великое, как природа или организм, но это легко принять со всей смиренностью, которая осталась даже у самого заядлого революционера. У природы есть на это право. Она все породила. А вот с насильственной потерей воли, с преступлением против

¹ Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — ок. 18 г. н. э.) — римский поэт, автор поэмы «Метаморфозы», сборников «Любовные элегии», «Наука любви», «Скорбные элегии».

тебя, совершенным другим человеком, который не имеет на убийство никакого права, который вершит суд лишь по собственному желанию, смириться практически невозможно.

— Могу привести пример человека, у которого получилось.

— Все мы можем, Мэрион, но разве это означает, что мы должны следовать его примеру?

— Что я точно вам могу сказать, — вдруг вмешался Фэлис, призывая к себе все взгляды друзей, — пока, конечно, не уснул от вашей демагогии, так это то, что через несколько минут у нас начинаются занятия. Разве вы хотите променять убаюкивающий, сладкий, скрипящий голос мистера Блума на рассуждения о смерти?

— Ни в коем случае, — вскочил с места Мортимер. Приспустив очки пальцами, он оглядел друзей. — Я не могу поверить, что говорю это, но я согласен с Вороном. Ваши разговоры угнетают — то ли дело мистер Блум со своей замечательной колыбельной. Что же он там будет сегодня нам петь?

— «Апология Сократа»², если не ошибаюсь, — не обращая внимания на комментарий в свою сторону, ответил Фэлис.

— Разве мы не проходили ее на первом курсе? — нахмурился Мэрион, поднимаясь следом и забирая практикум со стола.

— Мы обречены на хождение по кругу, потому что мистер Блум выбрал свой камень, который он тащит наверх горы, — вздохнул Дилан. — Его зовут Сократ. А мы, лишенные выбора в очередной раз, вновь будем говорить о прелюдии перед казнью. Разве не прекрасно? Замечательное продолжение нашего диалога.

— Мы слишком молоды, — потрепав брата по волосам, улыбнулся Мортимер. — Нам уже не о чем говорить. Остается только слушать и надеяться, что голос будет достаточно приятный, чтобы мы смогли заснуть.

Вороны вновь закричали, в то время как за дверью послышался удар камня об асфальт, а затем — громкие восклицания: кто-то разбил голову какой-то старой статуи на входе.

² «Апология Сократа» — сочинение Платона (ок. 399–389 гг. до н. э.), речь Сократа на суде в Афинах.

Глава 1. Святая тишина

Ганн был местом самым лживым по своей натуре. Его омывало далекое море, легкие, почти прозрачные ветры с которого доносились до бескрайнего вечнозеленого луга два раза в день: в шесть часов вечера и три часа утра. И казалось — хотя по существу это было абсурдом чистой воды, — что первые студенты, открывшие университет для других поколений, были рождены в этих каменных стенах; словно Ганн изверг их из себя и начал выращивать, заставляя призывать все больше и больше людей. А остальные, неведомым образом соглашавшиеся приехать сюда, то ли приплывали на пене далекого океана, то ли спускались с пушистых облаков, которые почти всегда пеленой покрывали бездну луга, видневшегося с невысокого обрыва одной из местных скал. Все как на подбор: дикие, потерянные, обиженные, высокомерные, уверенные в своей исключительности. Ходили слухи, что из Ганна выходили отменные политики, посредственные медики и абсолютно никчемные филологи. Философов здесь никто за людей не считал, впрочем, как и они — остальных.

Дилан никак не мог вспомнить, как именно они с Мортимером оказались в Ганне. Все годы, проведенные здесь, словно сметали своими волнами все семнадцать лет жизни, что были у него до поступления. Словно братья были рождены именно здесь, в каменных зданиях колледжа Трёх Башен, стены которых были покрыты мхом и пропитаны морским ветром, как торт сиропом — до того мокрый, что прилипал к зубам и размякал так, что проглотить его было невозможно. Вполне вероятно, часто думал Дилан, что Ганн — это единственное, на что они с братом годились после побега из детского дома. Впрочем, Ганн определенно стал спасением после родительского, а впоследствии и детского дома, несмотря на то что по сути своей он был одной сплошной никчемностью.

Город представлял собой сосредоточение множества колледжей, разбросанных по его территории и образующих единую академическую структуру. Колледж Трёх Башен, где учились братья Мелтон, находился посередине условной шкалы: никак не мог добраться до вершины, но и не имел смелости спуститься на самое дно. Композиция из трех готических учебных корпусов грязно-бежевого цвета была выстроена полумесяцем; напротив них, под тенями крон пышных деревьев, сейчас, впрочем, уже нагих, покоились два здания общежитий (они были чище, чем учебные, белее, без ярко-зеленых жилок мха, но все с ног до головы покрытые сажей), а справа, немного поодаль, напротив поста охраны около ворот, виднелась студенческая кофейня. Насколько Дилан мог судить, колледж Трёх Башен был самым большим в городе, однако студентов сюда поступало ничтожно мало. Большинство аудиторий наполовину пустовали не из-за недобросовестности студентов, а из-за их нехватки. Создавалось впечатление, что с каждым годом число студентов лишь уменьшалось, а колледж продолжал функционировать исключительно благодаря неправдоподобным иллюзиям ректора Робертсона, который стремился сохранить честь и достоинство своего детища (он свято верил, что детище, возведенное сотни лет назад, было именно его), заканчивая каждую свою речь одной и той же фразой: «Docere, delectare, movere»³, — девизом колледжа. Безусловно, мистер Робертсон, восходя корнями к шотландскому народу, в такие моменты непременно воображал себя Цицероном.

Дилан неохотно брел по улице, растягивая на языке горечь табака, дыша дымом сигареты. Он пропустил последнее занятие, решив скоротать время в библиотеке за подготовкой к скорому промежуточному тестированию, но, как это обычно случается, потерял весь день,

³ Docere, delectare, movere (лат.) — «учить, услаждать, побуждать» — три задачи оратора, сформулированные Цицероном в трактате «Об ораторе».

перечитывая одну из своих любимых книг. Когда Гюго⁴ поставил финальную точку и позволил Дилану закрыть книгу, на улице уже стемнело. Теперь юноша опаздывал к Мортимеру, который, во время одной из лекций пребывая на границе между мирами (вероятно, причиной послужил донельзя мелодичный голос мистера Беннета, который можно было легко спутать с резьбой по камню), видел спасение лишь в стеклянных бутылках с ядовитой жидкостью внутри. Иногда Дилан пугался чужого пристрастия к алкоголю, но винить брата не мог — вероятно, это было единственной возможностью уснуть и не просыпаться каждые несколько часов в крике и поту от кошмаров.

Издалека заметив знакомую улыбку, а точнее — нечто между усмешкой и улыбкой, чего никак нельзя было определить и ограничить, но что производило впечатление самое приятное, — Дилан усмехнулся в ответ. На ступеньках, ведущих в общежитие, стояла Джойс, подруга юноши и единственный человек в Ганне, который смотрел на Дилана снисходительно.

Джойс была из того рода редких людей, на которых при одном лишь взгляде каждый добропорядочный и образованный человек совершенно справедливо задавался вопросом: «Что же она здесь делает?» Действительно, она была мечом, воплощением божественной справедливости, в то время как остальные были не более чем кинжалами. Однажды, пробираясь сквозь дебри бесполезных раздумий, Дилан внезапно понял одну вещь, которая объясняла его отношение к Джойс: она была одной из двоих, кому он мог бы простить убийство, свое или чужое. Мортимера он бы простил за кровное родство и безусловную любовь, а Джойс — безосновательно. Причину невиданного милосердия со своей стороны Дилан отчаянно пытался отыскать в тех же дебрях, прорываясь сквозь ветки деревьев, однако не сумел: ветки лишь насквозь проткнули его снующие глаза. Время от времени ему казалось, что он ходит по канату, где один шаг — и он падет в бездну, а Джойс будет первой, с кем он там столкнется. Возможно, как писал уважаемый им Виктор Гюго, он был немного в нее влюблен.

— Ты, как всегда, пришел слишком рано. Скоро уже все закончится, — произнесла Джойс, затянувшись сигаретой. Стоя в классических черных брюках и тонкой рубашке в тон, она сильнее сжала руки на груди, пытаясь спрятаться от ветра.

— Задержался в библиотеке.

— Камю⁵?

Усмехнувшись, Дилан покачал головой.

— Гюго.

— Ах, Виктор, — протянула Джойс, растянув губы в улыбке. — «Человек, который смеется»⁶?

— Ну, наконец.

— В который раз?

— В четвертый?

Джойс закатила глаза.

— Чем же тебя так привлекает история обычной человеческой жизни, Дилан? Неужели твою душу трогает дикая несправедливость по отношению к Гуинплему? Неужели ты находишь там себя?

— Мы столько лет знакомы, а ты до сих пор пытаешься ранить меня словами и, боюсь, — он широко улыбнулся, — даже жаждешь моей смерти.

— Это невозможно, — усмехнулась Джойс, выкидывая сигарету в сторону. — Тебя не убьют, потому что труп убить невозможно.

⁴ Виктор Гюго (1802–1885) — французский писатель-романтик, автор романов «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные», «Человек, который смеется».

⁵ Альбер Камю (1913–1960) — французский писатель и философ, автор повести «Посторонний» и эссе «Миф о Сизифе».

⁶ «Человек, который смеется» (1869) — роман Виктора Гюго; его герой Гуинплен в детстве изуродован так, что на лице навсегда застыла улыбка.

— Рембо⁷, — скривил лицо Дилан, открывая входную дверь в общежитие и пропуская девушку внутрь. — Не могу сказать, что восхищен твоим вкусом.

— Как же? Это любимый поэт Мортимера.

— Вопреки кровному родству, я поддерживаю не все увлечения и убеждения брата.

Джойс пожала плечами, убрав прядь длинных волос шоколадного цвета за ухо.

— Разве это имеет значение, если ты все равно готов умереть за них, словно они всегда принадлежали тебе самому?

Внутри общежитие было, на первый взгляд, безупречно. Ужасающая старина не пугала. Деревянные стены темно-коричневого цвета в сочетании с рыжеватым паркетом создавали ощущение спокойствия и чего-то донельзя родного и понятного — того, чего Дилан никогда не испытывал прежде. Первый этаж представлял собой прямоугольник, разделенный напополам: с одной стороны — гостиная с тремя кожаными диванами и стеллажами, забитыми книгами, с другой — небольшая кухня. Соединяя обе части, напротив входной двери возвышалась лестница, ведущая к следующим двум этажам длинных коридоров, вдоль которых тянулись жилые комнаты.

— И вообще, — продолжала Джойс, когда они зашли в гостиную, где осел стойкий запах спирта, — мне представляется до боли странным, что тебе не нравится Рембо, — внезапно остановившись, она подняла взгляд на юношу. — Может, я ошиблась?

— В чем именно? — нахмурился Дилан.

— В том, что ты находишь себя именно у Гюго. Его-то ты захлеб читаешь.

— Невероятная индукция, Джойс, — фыркнул Дилан. — Я сбит с толку и не знаю, что ответить.

Мило улыбнувшись, Джойс прошла вперед и села к Фэлису на один из диванов, разделенных стеклянным кофейным столиком, а Дилан уместился на втором, с Мортимером.

— Неужели Мэрион решил пропустить заседание господ присяжных? — недоверчиво спросил Дилан, оглядывая пустующее место напротив.

— Он, такой же блуждающий, как и ты, отошел на кухню, — ответил Мортимер, затягиваясь явно не сигаретой, откинув голову на спинку дивана. — Впрочем, это было так давно, что я уже не помню. Может, он потерялся.

— Он ушел десять минут назад, — ответил Фэлис и следом обратился к Дилану: — Твое увлечение русской литературой до добра не доведет.

— Я о том же, — лениво согласилась Джойс. — Сначала грязью Рембо поливает, а затем цитирует Ильфа и Петрова⁸. Вопиюще.

— Про Рембо ни слова, — покачал головой Мортимер. — Я уже наслушался. Столько ножей в сердце я еще никогда в жизни не получал.

— Что за детский сад? — пробурчал Дилан, забирая папиросу из рук брата и игнорируя последовавшее за этим «Эй!». Он медленно затянулся, прикрыв глаза, а потом сказал: — Ничего вопиющего в русской литературе нет.

— Неправда, — покачал головой Фэлис, делая глоток бурбона. — Начитаешься, а потом начинаешь думать о ненужных, совершенно бесполезных вещах.

Дилан вскинул брови, медленно открывая глаза и пытаясь справиться с резким головокружением. Выглядел он при этом, юноша готов был поспорить, донельзя комично.

— Например?

— Ну, знаешь, — протянул Фэлис, — о душе, о смысле жизни, о морали.

⁷ Джойс цитирует Артюра Рембо (1854–1891) — французского поэта, автора книг «Одно лето в аду» и «Озарения».

⁸ Илья Ильф (1897–1937) и Евгений Петров (1902–1942) — русские советские писатели, соавторы романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»; «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» — реплика Остапа Бендера.

— Очень странно слышать подобное заявление от студента философского факультета, — вмешалась Джойс.

Фэлис взглянул на девушку исподлобья, слабо оскалившись.

— Именно поэтому ты слышишь все это от меня.

— Рад видеть.

— Блудный сын вернулся, — со всей радостью, на которую был способен в нынешнем состоянии, сказал Мортимер, но получилось неубедительно. Он попытался поднять голову с дивана, но сразу же был остановлен рукой брата и больше не сопротивлялся, лишь сильнее размякая.

— Лед тронулся, — ответил Дилан, приветствуя друга.

Мэрион вальяжно, слегка шатаясь из стороны в сторону, прошел к дивану, на котором сидели Джойс и Фэлис, и аккуратно, чтобы никого не потревожить, уместился посередине, откинувшись на спинку. Мэрион был трезвее всех сидящих (за исключением припозднившегося Дилана и, может быть, Джойс), однако выглядел он, напротив, совсем не презентабельно: белая рубашка, выправленная из черных классических брюк, висела на его широких, но заостренных плечах, наполовину расстегнутая, с закатанными рукавами; волосы были неподобающим образом растрепаны, а очки, свисая на краю носа, так и норовили упасть.

— Где ты был? — поинтересовался Фэлис.

— На кухне, — ответил Мэрион, складывая руки на груди. — Пытался отыскать запасы лечебных трав, думал, что в Трёх Башнях еще остались добросовестные и щедрые люди.

— И?

— Я ошибался.

— Главное — признать свою ошибку, — кивнул Фэлис, смеясь. Мэрион, впрочем, веселье с ним не разделял.

— Сколько же папирос с лечебными травами сегодня отравили святой воздух этой гостиной? — Дилан оглядел замолчавших друзей и кивнул. — Думаю, вам достаточно.

— Я сейчас скажу ужасную вещь, — слегка наклонившись вперед, Джойс пристально посмотрела в глаза Дилану и, сделав паузу в несколько секунд, произнесла: — Но я с тобой согласна.

— Если бы ты знала, как часто я говорю ужасные вещи, — встрял Мортимер, — ты бы заплакала. Вы все, — выделил юноша, — надо сказать, разрыдались бы, как малые дети.

— Кто же тебя заставляет соглашаться? — хмыкнул Дилан.

— Кровь, — все так же полулежа, с закрытыми глазами, свел брови Мортимер. — Черт бы ее побрал.

— Нет в мире ничего, что так ограничивало бы свободу, как кровь, — подтвердил Мэрион.

— Надо же, никогда об этом не задумывался, — пробормотал Фэлис, наливая себе новую порцию бурбона.

— Да о чем вы, французы, вообще можете думать? — хмыкнул Мортимер. — О кофе, самоубийстве и бунте, разве что.

Дилан махнул на брата рукой, наконец затушив папиросу в пепельнице, стоящей на столе, и напоследок на всякий случай разломав ее пополам. Фэлис, грустно наблюдая за этой картиной, лишь коротко вздохнул и вернулся к алкоголю.

— Не обращай внимания, — обратился к другу Дилан. — Это месть за Рембо, а не укор в твою сторону.

— Его больше расстроил ты, — указывая пальцем на пепельницу, ответила Джойс, — а не сравнение с Камю.

Фэлис лишь согласно промывчал.

Наконец все затихли. Троица напротив молчала, погружившись в свои мысли под влиянием алкоголя; Дилан молчал от тошноты, преследовавшей его с самого утра, из-за которой он не мог ни есть, ни пить, ни говорить, а Мортимер, вероятно, просто-напросто уснул. Дилан повторил позу брата, закрыл глаза и аккуратно вслушивался в чужое мерное дыхание, и сам от этого расслабляясь. У тишины, явления по своей природе неповторимого, могло быть бесконечное множество ипостасей. Сейчас она выступала в роли колыбели, спетой приглушенным, теплым голосом; убаюкивала, склоняла не к греху, а к ценному сну и утихомиривала мысли. Проще говоря, Дилану она бесконечно нравилась, поэтому он чуть было не вздрогнул, когда ее разрезал глубокий голос Мэриона.

— Вы знаете, — медленно сказал он, — а мы ведь лишь заметки на полях наших родителей.

Послышался громкий, заразительный смех Джойс, который вызвал улыбку у всех, кроме оскорбленного Фэлиса.

— Господи, помилуй, — вздохнул он. — Пора прекратить допускать медиков к философии. Это вредно для общества.

— С каких пор ты обращаешься к Господу? — спросил Дилан.

— Вопрос неверный, — сказала Джойс. — Важно: к какому именно Господу он обращается?

— Я последователь иудаизма, конечно же, — нарочито серьезно ответил Фэлис. — Неужели вы подумали, что я христианин?

— Ни в коем случае, — произнес Дилан. — Слышите?

— Что? — в унисон спросили все трое.

— Никто не гундит, — усмехнулся юноша. — Мортимер уснул.

— В таком случае я предлагаю завершить ингаляционное лечение и разойтись, — гораздо тише сказал Мэрион, поднимаясь с места, и огляделся по сторонам.

— Где мой пиджак?

— Ты был без него, — ответила Джойс, вставая следом и направляясь к двери. — Желаю всем спокойной ночи, — не оборачиваясь, она покинула гостиную.

Мэрион достал из пачки сигарету и, зажав ту между губ, кивнул на Мортимера.

— Тебе не нужна помощь?

— Нет, — покачал головой Дилан. — Его придется будить. Он слишком тяжелый.

— Боюсь, я ни разу не видел, чтобы Мортимер ел, — хмыкнул Фэлис, забирая пачку сигарет у друга.

— Я тоже. Каждый раз удивляюсь его способностям.

Двое юношей, покачав головами, удалились из гостиной, бросив напоследок почти искреннее «Удачи». Дилан хмыкнул и, встав с места, собрал все бутылки в пакет, вытряхнул пепельницу и протер стол. Он быстро сбегал на кухню, выбросил мусор, налил стакан воды и, вернувшись, принялся будить брата.

— Открывай глаза. Все ушли, ты можешь перестать притворяться, — в ответ послышалось лишь мычание. — Ну же, Морти.

— Вообще-то, — прохрипел Мортимер, — я уснул взаправду.

— Конечно, как скажешь, — согласился Дилан. — Теперь выпей воду.

Наконец полностью открыв глаза, Мортимер скривился от яркого света, но все равно был вынужден сесть прямо и залпом опустошить стакан холодной воды.

— Все-таки не зря тебя родили, — сказал юноша, с чужой помощью поднимаясь на ноги.

— Спешу напомнить, что мы близнецы, — придерживая брата за талию, Дилан вывел его из гостиной.

— Мне не нужно об этом напоминать. Я уже перестал пользоваться зеркалами.

— Это так не работает.

— Неважно, как это работает, — икнул Мортимер, с трудом переставляя ноги по лестнице. — Имеет значение только то, как ты вынуждаешь это работать в свою пользу.

— Если бы я тебя не знал, Морти, ты бы произвел на меня самое устрашающее впечатление, — хмыкнул Дилан, без проблем открывая дверь в чужую комнату и проходя внутрь. — Сколько раз я говорил тебе запереть дверь на ключ?

Мортимер усмехнулся и упал на кровать, раскидывая руки в стороны.

— Здесь нечего красть. У меня ничего нет и никогда не было. Тебе ли не знать?

— Верно, — выдохнул Дилан и, напоследок оглядев засыпающего брата, обернулся к выходу.

— Знаешь, — сонно прохрипел Мортимер, едва шевеля губами, вынудив брата остановиться, — а ты ведь такой же. Ты производишь такое же впечатление.

— Я никогда этого не отрицал. Спи, — ответил Дилан, прежде чем выйти из комнаты и направиться в свою, на этаж выше.

Когда он, изможденный, опустился на стул, то понял, что больше не уснет: остатки сна, срезанные под корень голосом Мэриона в гостиной, выскользнули из его рук окончательно. Дилан взглянул на часы: пятнадцать минут третьего. Совсем немного оставалось до рассвета.

Глава 2. Начало конца

Ровно через час в дверь постучали.

Оторвавшись от книги, Дилан встал с кровати и распахнул дверь. В коридоре, запыхавшийся, с выпученными глазами, избегавшими его собственных, с трясущимися руками и ногами, одним словом — до безобразия испуганный, стоял Мортимер.

— Что произошло? — удивленно спросил Дилан, осмотрев брата. Никогда прежде он не видел его в таком состоянии.

— Там Мона, — прошептал Мортимер, указывая пальцем в сторону лестницы, — Мона Милнз.

— Я очень рад за нее, Морти, — когда от его руки, потянувшейся, чтобы завести брата в комнату, резко отшатнулись, как от оголенного провода, Дилан нахмурился. — Объясни мне, что происходит.

— Дилан, — вдруг взглянув брату в глаза, не переставал шептать Мортимер, — она мертва.

Бывает, когда замираешь, в голове начинает играть мелодия. Ее никогда не существовало в реальности. Но она есть. Мир прячется в ней, в приглушенной и привередливой. Словно она — это ты, воплощенный в нотах.

Дилан слышал ее, когда вошел в гостиную. Одна-единственная деталь выбивалась из картины чистейшей (насколько это было возможно в студенческих условиях) гостиной, которую они покинули считанные мгновения назад.

Когда он, почти не дыша, будто бы стараясь не спугнуть маленького зверька, подошел ближе, музыка заревела. Она стала чистой истерикой, дрожащими струнами, которые наполовину вытянули из рояля. Чужое бледное лицо, свисающее с края стола, было почти полностью залито кровью, капля за каплей окрасившей пол; черты его было не разглядеть; тело ее, костлявое, с выступающими повсюду венами, повисло, как неестественно сломанная пополам ветка, закрытое черным платьем до колен, а тонкие лямки его спадали с хрупких плеч, которые, казалось, можно было раскрошить одним лишь нажатием на них.

Неосознанно юноша представил себя в образе Саломеи⁹, смиренно ожидающей, когда палач положит голову Иоанна Крестителя на поднос в ее руках. Ему привиделось, что он стоял в церкви. А неподвижное тело, перекинутое поперек стеклянного стола, отчего-то смотрело на него с невиданной обидой, словно он был тем, кто вознес его на выдуманный алтарь. В то мгновение, когда Дилану захотелось встать на колени, он вспомнил, что уже не верил в Бога.

Всего шаг отделял его от лужи крови, к которой змеями тянулись рассветные лучи из приоткрытых портьер. Приходилось напрягать все мышцы, чтобы не последовать за ними: тело требовало движения, любого движения, только бы двинуться, но глаза не поддавались — они боялись отпустить то, что видели перед собой, словно, сделай они это, тело сразу испарится.

— Дилан.

Музыка исчезла. Юноша мелко вздрогнул, раненый полусшепотом позади.

— Да? — прохрипел он.

— Что нам делать? — спросил Мортимер, вставая рядом.

— А что мы можем сделать, Морти? Нам остается только доказывать, что мы ее не убивали.

Церковь погрузилась в тишину.

* * *

⁹ По евангельскому преданию, Саломея, дочь Иродиады, за свой танец потребовала у Ирода голову Иоанна Крестителя на блюде (Мф. 14:6–11).

Когда на часах пробило четыре утра, на первый этаж общежития начали сбегаться люди, как муравьи на сахар: полиция, медики, учебный состав и студенты, постепенно выползавшие из коридорной глубины по мере усиливавшегося шума.

Фэлиса стошнило на месте. Он, кажется, воспринял убийство близко к сердцу, хотя, по его заверениям, никогда не перекидывался с Моной даже парой слов. Мэрион принес ему воды и отошел с ним в сторону, хотя глаза его, изучающие и холодные, не покидали мертвое тело. Джойс стояла рядом, не решаясь подойти ближе, однако, так и не сумев побороть любопытство, изредка поглядывала в ту же сторону.

Тогдашняя церковная тишина, святая тишина, сменилась воем сирен, огнями, потоком громких голосов и мнительными взглядами. Специально обученные люди оцепили здание, вынюхивали улики лучше собак, работали по уставу. Мистер Робертсон, поправив пенсне на остром носу, закурил прямо над телом, и тогда принялись расчищать местность и разгонять студентов, как протестующих. Когда Дилан покидал гостиную, вокруг воняло кровью и дорогим табаком.

Студентам велели запереться в комнатах в ожидании главного следователя, который должен был опросить всех людей, находившихся в общежитии, об их алиби на момент убийства. Несомненно, затея эта была уничижительна как для следователя, которому не менее сотни раз придется услышать один и тот же ответ, однокоренной слову «сон», так и для студентов, которые не имели возможности выйти из комнат, словно сложенные друг на друга в склянку жуки.

Мэрион предложил подняться к нему. Вчетвером они оказались заключенными в квадратную комнатку, где свободного пространства оставался один-единственный несчастный метр. В коридоре были слышны разговоры, приглушенные несколькими рядами закрытых дверей, и тяжелые непрекращающиеся шаги. Мортимер, которого мистер Робертсон (узнав, кто нашел тело) остановил поговорить с глазу на глаз, еще не вернулся.

Со стола, аккуратно заставленного учебниками, доносился аромат потушенной в кружке с травяным чаем сигареты; терпкий дым тонкой нитью окутывал комнату, пробираясь от Мэриона к Дилану — по кругу, замыкаясь на своем начале. Никто не решался открыть окно, ровным счетом как и заговорить. На достойные разговоры ни у кого не хватало смелости, на отвлеченные — благоразумия. Устрашающе невыносимая практика, жестоко бьющая по самоуважению, — молчать, когда даже один выдавленный сквозь зубы, едва слышимый звук может стать последним шагом в пропасть; когда невозможно непоколебимо выстоять перед чем-то таким грозным и всеобъемлющим, как слово; когда приходится отдаваться молчанию, обглодав на кончике языка кости своих почти вылетевших наружу мыслей. Когда любое предложение кажется настолько нелепым, что невольно теряешь способность говорить и превращаешься в животное, которое привыкло существовать согласно примитивной сигнальной системе. Впрочем, даже в таком случае им можно было помочь — нужен был сигнал, триггер, на который бы выделилось достаточное количество слюны.

— Что у вас тут происходит? — словно гром среди ясного неба. Мортимер, закрыв за собой дверь, прошел к окну и распахнул то настежь. — И воняет, как в подвале. Сигареты, Мэрион, лучше смотрятся в мусорном пакете, а не в чашке чая. Странный у него цвет, это из-за табака?

— Там был бурбон, — вздохнул Мэрион.

— Чай с бурбоном? — хмыкнула Джойс. — Какое варварство. Зачем тогда вообще нужен чай?

— Нейтрализовать токсины? — предположил Мэрион, разведя руки в стороны. — Я не знаю. Сначала я налил чай, чтобы уснуть, но он не помог. Однако бурбон, как ты справедливо заметила, не сочетается с чаем совершенно, поэтому третьим ингредиентом стала сигарета.

— Приятное дополнение, — пробормотал Мортимер, умещааясь на полу рядом с братом. — Надеюсь, это дополнение не касалось твоего языка.

— Надежда умирает последней.

— Что от тебя хотел мистер Робертсон? — встрял Фэлис. Он плотно забился в угол комнаты, и его едва было слышно.

— Я был тем, кто сообщил о найденном теле, — беззаботно отвечал Мортимер. — Немудрено предположить, что сейчас именно я представляюсь виновником торжества в глазах руководящего состава. Мистер Робертсон сначала пытался выяснить, причастен ли я к убийству, а потом, отбросив все попытки показаться человеком сострадающим, каким он, несомненно, является, стал мягко намекать, что необязательно придавать огласке это убийство и признаваться, если я все же это совершил. Как будто любой, кто убивает, — он широко усмехнулся, покачав головой, — непременно жаждет признать свою вину. Сомневаюсь, что в мире существует еще один Раскольников¹⁰. Здесь, кажется, совести не осталось совсем.

— Мы будем комментировать тот факт, что мистер Робертсон хочет заставить убийцу молчать во избежание огласки?

— Не притворяйся, что удивлен, Фэлис, — ответила Джойс. — Мистер Робертсон успешно скрыл убийство Аннабель в прошлом году, очевидно, что в этот раз он поступит так же. Поздно об этом думать.

— Аннабель не убивали. Она забрала свою жизнь сама.

— Не верю, — покачала головой Джойс. — Она была религиозной до мозга костей и тряслась от любого упоминания смерти.

— Может, было что-то сильнее Бога?

— Скорее, большее, — тихо ответил Мортимер.

— Мы все знали Мону, — вмешался Дилан. — Вы можете предположить, почему ее убили?

— Если бы причину убийства можно было определить на основании косвенного общения с Моной на лекциях по философии, благодаря которым я вообще знал о ее существовании, то, думаю, следователь никакой бы не понадобился, — заключил Мэрион.

— А я всегда говорил, что философия вредна для врачей, — бормотал Фэлис.

— Мона, если мне не изменяет память, изучала политологию, — нахмурился Мэрион. — А лекции были межкафедрские.

— Тем более. На политологии философия, судя по всему, уже запрещена законом.

— Разве нужна причина, чтобы убить? — спросил Мортимер, откинувшись затылком на шкаф. — Не поймите меня неправильно, всем известно, что для убийства нужен импульс, своеобразная точка во времени, когда виновник решится на деяние, но разве жертва отдает себе в этом отчет? Вряд ли. Причиной может быть все и ничего одновременно. Может, ее убили, потому что она не вернула долг или изменила своему парню — в таком случае мы можем от чего-то оттолкнуться, однако существуют люди, которые убивают из-за такого глубинного мотива, что кажется, будто они убивают просто так.

— Ты предлагаешь молчать? — повернувшись к брату, спросил Дилан.

— Я уже говорил тебе, а точнее, всем вам, что нам нечего сказать. Ответить на вопросы детективов — это одно, это мы, конечно, сделаем, но в остальном, боюсь, мы бессильны.

— Разве вам не интересно? — нахмурившись, Дилан оглядел друзей. Все молчали. — Не может быть.

Немного погодя, не выдержав, Фэлис вновь заговорил, накрыв слова тоном, походящим на разбитое стекло:

— Я время от времени перечитываю Достоевского, пью очень много кофе и еще больше алкоголя, плохо сплю и не сдался в борьбе за собственную личность. Суть вот в чем: я невро-

¹⁰ Родион Раскольников — герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866), студент, убивший старуху-процентщицу и в конце концов сознавшийся в преступлении.

тик. И если сейчас мы не переключим внимание на что-то другое, то вы будете ловить меня, бьющегося головой о стены, по всему корпусу. Утрированно, конечно, — он выдержал паузу, будто обдумав что-то. — Хотя нет, пожалуй, не утрированно.

— Я бы посмотрел, — отозвался Мортимер, но тему сразу же перевел и кивнул на книгу в руках Мэриона. — Интересно?

Приподняв руку, державшую книгу за корешок, и бросив взгляд на тонкие, едва заметные буквы, сложенные в название, Мэрион согласно промычал.

— Безусловно, — подтвердил он. — Я настолько ничего не понимаю, что становится страшно. Боюсь, схема метаболических сетей представляется после «Улисса»¹¹ сущим пустяком.

— Мы подождем, когда ты дойдешь до Набокова¹², — хмыкнула Джойс. — Там тебя ждет настоящее мясо.

— Я обязательно захвачу бензопилу, чтобы пробраться через него.

— Неплохое решение, — подтвердил Мортимер. — Я предпочитаю галлюцинации и дереализацию вместо бензопилы, но твой вариант тоже сносный.

Мэрион лишь усмехнулся.

Они затихли. Тишина, которая уже стала шестым полноправным звеном в их механизме, прерывалась каплями дождя и ударами веток деревьев об окно снаружи. Они наверняка так бы и просидели до темноты, изолированные в комнате, если бы не три стука в дверь. Пять голов, как одна, повернулись на звук, дверь отворилась, и пред студентами предстал нарушитель спокойствия.

Не сказать, что человек этот был красив, однако статен. Темно-коричневый костюм, много раз чищенный и однажды уже штопанный на локте, пальто с обтрепанными манжетами, черные туфли, стоптанные с внешней стороны каблука, и наспех приглаженные светло-коричневые волосы. Незнакомец, опрятный ровно настолько, насколько позволяло жалование, мог бы выглядеть на двадцать пять лет, если бы не резкие черты помрачневшего с годами лица. Особо пронизательные могли уловить, как незнакомый мужчина скрывал последствия жесткой жизни за выпрямленной спиной, сильно напоминающей осанку Мэриона, такую же непоколебимую и надменную; и невозможно было не вцепиться в приторно снисходительный, почти перерастающий в садистский взгляд желто-зеленых глаз. Он напоминал змею, самую проворную и с самым длинным языком.

Два зеленых стеклышка не торопясь прошлись по каждому из сидящих. Остановившись на старшем близнеце, они прищурились; когда незнакомец улыбнулся, улыбка не дошла до глаз, и в тот момент можно было ясно увидеть отличительную черту этого лица, которую, при всем желании, едва ли можно было забыть: правый уголок губы его был обезображен небольшим шрамом, который при любом движении губ перерастал в пугающую, злую усмешку. У людей, видевших ее, было два пути: они либо усмехались в ответ, либо отводили взгляд.

Наконец, мужчина заговорил — голос его был глубокий, с той приятной хрипотцой, которая из его рта звучала отталкивающе, в то время как манера речи была намеренно вежливой и моментами даже уступчивой.

— Прошу простить меня за беспокойство. Меня зовут Клайв Карсель, я прибыл в связи с недавней трагедией, всем вам, я полагаю, уже известной. Я обязан опросить всех студентов о случившемся. Надеюсь, никаких проблем у нас не возникнет, — мужчина продолжал улыбаться, оглядывая сидящих. — У меня есть единственная просьба: содействовать расследованию. В таком случае будет легче всем.

¹¹ «Улисс» (1922) — роман ирландского писателя Джеймса Джойса, известный сложностью языка и композиции.

¹² Владимир Набоков (1899–1977) — русский и американский писатель, автор романов «Дар», «Лолита», «Бледный огонь».

Глава 3

Убийство Моны Милнз было из рода тех происшествий, которые проходят сквозь, но мимо, не задевая ни одной жилки в теле, и в то же время оставляют после себя неприятную усталость. Следующую неделю Дилан находился именно в таком состоянии — во многом потому, что сам факт убийства напоминал ему о прошлом, а прошлое он привык вспоминать с содроганием.

Ганн, в отличие от юноши, оставался непоколебим. Жизнь не остановилась. По пути на занятия встречались лишь студенты и преподаватели, никогда — федералы. Изредка в коридорах можно было услышать упоминания о произошедшем, но после всеобщего прощания напротив входа одной из башен и те пропали. Деревья не качались из стороны в сторону, как умалишенные, дождь не начал стекать с небес ручьями, а земля не нашептывала присказки о крови жертв, просочившейся в нее. Уже через три дня все забыли, что Мона когда-то была жива. Она стала еще одной легендой, бродящей по широким дорогам и прячущейся за каменными углами.

И все же Дилан чувствовал себя не на своем месте. Безусловно, это было ощущение перманентное и уже укоренившееся, ведь в мире в принципе не существовало «его места», однако юноша успел заметить, что воздух стал на долю острее, и теперь кристаллики, из которых тот состоял, царапали слизистую при каждом вдохе.

Когда каждого из пяти друзей опросили, они приняли решение разойтись по своим комнатам и с тех пор не обронили ни слова. Им было не чуждо расходиться на дни, недели, а потом возобновлять общение как ни в чем не бывало. Они отдыхали в своих собственных панцирях, чтобы потом собраться под одним. Мэрион, очевидно, в сотый раз перечитывал медицинский практикум, вновь заучивая то, от чего спустя столько лет уже тошнило. Фэлис предавался грезам и мечтам о лучшем мире. Джойс проводила время в библиотеке, в противоположном крыле от того, где обычно находился Дилан. Она знала, что юноша обычно засиживался до позднего вечера, поэтому уходила до заката, чтобы не встречаться с ним, и продолжала учиться в комнате. Рутин Дилана оставалась такой же, а вот о Мортимере юноша знал куда меньше. Тот был слишком непредсказуем, чтобы можно было строить о нем подобные предположения. Даже собственному брату. Он тоже много читал и учился, но усидеть на месте никогда не мог, поэтому его можно было застать и в библиотеке, и в комнате, и на кухне, и в гостиной, и в пустой аудитории, и в кофейне, и в чужой комнате — и все это за час-полтора. Будучи маленькими, они проводили каждую секунду вместе, но, когда им удалось выбраться в большой мир, Мортимеру, кажется, подобная близость наскучила, и так повелось, что видятся они стали заметно реже. Дилан его в этом не винил, ведь знал, что при любой необходимости он мог просто зайти в чужую комнату (которая всегда была открыта) и терпеливо дожидаться там брата, чтобы провести время вместе. Дилан, впрочем, поступал подобным образом не так часто, как хотел, чтобы не докучать брату — у того жизнь была ключом, а знакомых вертелось вокруг десятки раз больше. Опять же, Дилан не смел его винить.

И все-таки недели, как ему казалось, было достаточно, чтобы договориться со своими мыслями насчет произошедшего, потому он решил проведать Мортимера и выведать, как тот себя чувствовал. Спустившись этажом ниже, Дилан постучался, но, не дожидаясь ответа, зашел в комнату. Мортимер лежал на кровати и читал, закинув одну руку за голову, а второй держа книгу.

— Сколько раз ни повторяй, что стучаться необязательно, а все равно пролетает мимо ушей, — пробурчал тот, переводя взгляд на брата.

— Даже слушать не хочу, — закрывая дверь, ответил Дилан. — Я боюсь однажды, не постучавшись, увидеть то, чего видеть совсем не хочу, — выдвинув стул из-за стола и повернув тот спинкой к кровати, он сел на него.

Мортимер усмехнулся и откинул книгу в сторону.

— Что ты читаешь?

— «Метаморфозы»¹³.

— Почему ты так часто перечитываешь Овидия? — нахмурившись, спросил Дилан.

Мортимер пожал плечами.

— Почему ты так часто перечитываешь Гюго?

— Справедливо.

— Не ходи вокруг да около.

— Я просто хотел узнать, как поживает мой брат, — закатил глаза Дилан. — Сжался.

— Лучше не бывает, — произнес Мортимер. — Я не видел тебя целую неделю, так что просто прекрасно.

— Так и запишем, — прищурился Дилан.

— Я шучу, — слабо рассмеялись в ответ.

— Как ты себя чувствуешь, Мортимер?

— Замечательно, а ты?

— Да? — пристально взглянув на брата, переспросил Дилан. — Нет такого ощущения, что на днях случайно нашел труп?

— А-а, — скривился Мортимер, — так вот ты о чем.

— Мы так и не поговорили об этом.

— Не о чем разговаривать.

— Я не уверен, — протянул Дилан, отворачиваясь. — Я сам не свой.

— Почему? — удивился Мортимер. — Не ты ее нашел. Более того, ты даже с ней не общался.

— Не из-за Моны, — покачал головой Дилан. — На тебя упали подозрения, а это значит, что Карсель начнет тщательно проверять всю информацию о тебе. О нас.

— И? — хмыкнул Мортимер. — Ты думаешь, мы единственные сироты в Ганне, кто сбежал из детского дома? Нас не отправят туда снова, Дилан.

— Я не боюсь туда вернуться, даже если бы это было возможно, — рассмеялся Дилан. — Я не об этом говорю, Мортимер. Я имею в виду, что ты легкая добыча для Карселя. Ему ничего не стоит повесить на нищего сироту убийство, а если он еще умудрится связать это с самоубийством Аннабель, то двойное.

— Так ты волнуешься обо мне, — расплылся в улыбке Мортимер. — Брось. Ты все переживешь, Дилан, в этом сомнений нет, даже если меня заберут в тюрьму.

— Я устал выживать.

— Ты уже должен был привыкнуть.

— Невозможно привыкнуть к невыносимому, — хмыкнул Дилан. — Я умудрился привыкнуть только к хорошему. К терпимому.

— Например? — нахмурился Мортимер.

— К Ганну. У нас есть бесплатная еда и жилье, и нас не хотят убить, — он замялся. — Ну, насчет последнего я уже не уверен.

— Не волнуйся, тебя обойдет стороной, — вновь рассмеялся Мортимер. — Сомневаюсь, что ты походишь на двадцатилетнюю девушку, чтобы тебя убивать. Ты, конечно, худощав, но не настолько.

— Кто бы говорил, — усмехнулся Дилан, слегка расслабляясь.

¹³ «Метаморфозы» — поэма Овидия в пятнадцати книгах, свод античных мифов о превращениях.

— Я рассказал Карселю в деталях, как спустился на кухню выпить стакан воды. В конце он вздохнул так, словно действительно поверил, так что я не думаю, что все еще числюсь главным подозреваемым.

— И ты ему поверил? — вскинув бровь, спросил Дилан.

— Не знаю, — пожал плечами Мортимер. — Впрочем, у меня отличное алиби.

— Стакан воды?

— Похмелье?

— Безобразие.

— Дилан, — усмехнулся Мортимер, — не забывай, что я прибежал именно к тебе. Ты был со мной. И если они и повесят на нищего сироту преступление, то вряд ли забудут про второго так же. Мы идем в комплекте.

— Ты предлагаешь мне сесть в тюрьму вместе с тобой?

— Разве у нас будет выбор? Хотя, если тебе так проще, можешь воспринимать это как предложение.

— Хорошо, — кивнул Дилан, — я согласен.

— Правда? — удивленно раскрыл рот Мортимер.

— Конечно, — пожал плечами юноша. — Без тебя я заскучаю.

— Не могу поверить, — потрясенно прошептал Мортимер. — Я умер?

— Сомневаюсь. Я бы заметил.

— Мне кажется, в последний раз ты говорил мне настолько приятные вещи... Дай-ка подумать... — задумался Мортимер, хмыкая, — в утробе?

Дилан закатил глаза.

— Не преувеличивай. Я уверен, что одаривал тебя комплиментами в яслях.

— Когда мы не умели говорить?

— А, — усмехнулся Дилан, — то есть, по-твоему, мы в утробе уже вели светские беседы?

— Вероятно, — деловито кивнул Мортимер. — Моя вера в наши умственные способности достаточно сильна, чтобы предполагать подобные вещи.

Дилан лишь рассмеялся, качая головой и окончательно отпуская мысли об убийстве.

— Давай прогуляемся до кофейни, — предложил Мортимер, поднимаясь с кровати и захватывая со стола солнцезащитные очки. — Ужасно хочется размять кости и выпить этот песочный горький кофе, — он улыбнулся, взглянув на брата сквозь темную пелену. — И я расскажу тебе, что со мной произошло за эту долгую неделю.

Выбравшись на улицу с легкими улыбками на лицах, братья Мелтон отправились в студенческую кофейню. Они то смеялись, то рьяно спорили о чем-то, а затем вновь возвращались — всегда, необратимо возвращались — к смеху. Они не могли слышать и не знали, что считанные минуты назад в библиотеке Ганна нашли мертвое тело Оливера Эгертона, лицо которого было полностью залито кровью.

Глава 4

— Кто-то заделался в шуты? Передайте ему, что это не смешно.

Мэрион Акер, стоя в толпе, тихо возмущался, сложив руки на груди. Очки его не скрывали темных синяков под глазами и при этом удачно подчеркивали кристальный взгляд, не пропавший под натиском усталости, — важнейшее свойство истинных хирургов. У Мэриона на столе лежали высокие стопки литературы всех видов, которые ему лишь предстояло осилить, и тратить свое время на бесполезное существование среди диких студентов ему претило. Но он был человеком с достойным воспитанием, поэтому, чтобы выдержать восхищенные крики сбоку, перешептывания сзади и испуганные возгласы спереди и не бросить все, не сбежать, оставив друзей в смятении, он снял очки, и мир поплыл перед его глазами. Когда он так делал, мир пропадал из виду — и казалось, что мир в ответ переставал считать его среди живых: словно юноша стоял посреди улицы, а люди шли навстречу неподвижной фигуре и пролетали сквозь нее, не замечая. Это было своеобразным способом отдыха.

Он оказался здесь почти что случайно. Спускаясь с четвертого этажа главного корпуса, где он долго и добросовестно тренировал свои хирургические навыки, уже с лестницы он услышал крики. Когда третий этаж открылся его взгляду, Мэрион не мог не заметить толпу, тянущуюся в библиотеку и расширявшуюся с каждой секундой. Он догадывался, что произошло, и окончательно в том убедился, когда среди макушек обнаружил одну знакомую — Джойс стояла вдали от толпы, сбоку, в углу, откуда можно было спокойно обозревать суесящихся федералов, курящих, бегающих из стороны в сторону, то выходящих из-за высоких книжных стеллажей, то скрывающихся за ними. Когда он подошел ближе, Джойс уже заметила его, поэтому Мэрион, не зная, куда себя деть и что в таком случае вообще следовало бы сделать, остался рядом с девушкой, а потом и вовсе потерял возможность уединиться — из ниоткуда возникли близнецы Мелтон: у одного, младшего, на губах играла странная улыбка, а у второго, на удивление, не играло ничего — лицо было непроницаемым.

— Он, конечно же, выслушает тебя с глубочайшим интересом и пересмотрит свое мировоззрение, только бы Мэрион Акер был доволен, — произнесла Джойс.

Послышался сухой смешок со стороны Мортимера.

— Кто на этот раз? — спросил он.

— Без понятия, — пожав плечами, ответила Джойс. — Я не знаю его имени.

— Как давно ты тут стоишь?

— Достаточно, — выдохнула Джойс. — Я его нашла.

— Как вам везет, — мрачно протянул Дилан.

— Невероятно, — согласилась Джойс. — Я надеялась сломать к чертям гранит науки и закончить свою статью в тихом месте, но обнаружила только труп. Очень необычно, правда, неприятно, — бесстрастным голосом продолжала девушка. — Вы ищете спокойствие и тишину, а находите труп. Незабываемый опыт.

— Только такой опыт, видимо, нам и дозволен, — хмыкнул Мортимер.

— Я правильно понимаю, — обреченно вздохнул Мэрион, — что у нас завелся серийный убийца?

— Вероятно, — сказал Дилан. — Как он выглядел, Джойс?

— Мертвым.

— Исчерпывающий ответ.

— Он тоже был перекинут через стол? — вмешался Мортимер.

— Да.

— Перерезано горло?

Джойс кивнула. Из библиотеки вышли люди с медицинскими носилками. Тело на них было целиком закрыто, однако это не помешало половине студентов подойти ближе в надежде увидеть что-то через белую ткань; некоторые, либо испуганные, либо воспитанные, отошли подальше, освобождая работникам путь. Кто-то, увидев кровавые следы на ткани, вскрикнул, и Дилан, не удержавшись, поморщился от громкого звука.

— Не похожу на девушку, говоришь? — обращаясь к брату, едва слышно спросил он.

Мортимер покачал головой.

— *Mortem effugere nemo potest*¹⁴, — тихо сказал он, разворачиваясь в сторону лестницы. — Вы насмотрелись? Я устал от крови, ее слишком много в последнее время. Пойдемте отсюда.

* * *

Следующей ночью начался дождь. Он резко спустился плотными волнами сверху, громко бил по окнам, и любой человек, выйдя в тот момент на улицу, промок бы, не успев моргнуть.

— Ты опять плакал, — почти шептал Мортимер тонким голосом. — Что тебе снилось?

В ту ночь Дилану снилось, как он просыпался. Он открывал глаза и видел перед собой встревоженное лицо маленького Мортимера, который, нависая над братом, потирал глаза, чтобы немного проснуться. Близнецы были маленькие, стриженные, лет двенадцати; от стен доносился запах сырости, хлорки и казенного мыла — шел второй год без родителей. Глаза Мортимера еще побегали по чужому лицу, но потом тот выдохнул и лег рядом.

— Не знаю... — шептал в ответ Дилан. — Не помню.

Несмотря на то что он отчетливо помнил каждую деталь сна, который годы не покидал его, мальчик всегда врал. Он не хотел это вспоминать, но, как бы ни пытался, не мог забыть.

Ему виделось чистое, безоблачное небо, залитое ослепляющим светом полной луны и засыпанное звездами: одни будто двигались, кружась, другие висели неподвижно, но светили ярче. Лунный свет дорогой сходил на широкое поле, в котором уместилось бы десять футбольных полей из того проклятого городка. Дилан скользил взглядом по этой прозрачной вуали и наткнулся на нечто белое, лежащее посреди поля. В первый раз мальчик не мог разобрать, что это, но в последующие разы, когда он уже выучил сон наизусть, знал заранее — даже издалека, даже не успев подойти. Каждый раз приближаясь к белому пятну, он наткнулся на свое отражение, цвет кожи которого сливался с огромной белой футболкой — единственным предметом одежды на ребенке; однако у замершего отражения были яркие глаза, одинакового голубого цвета. И, скользя взглядом ниже, Дилан видел кровь: она, пропитав футболку близнеца снизу, поднималась по ткани все выше, пока белого не оставалось совсем. Он падал рядом, брал в ладони чужую ледяную голову, тряс тело, пачкая руки до локтей в ярко-красное, а Мортимер, оперевшись мертвыми глазами в огромное полотно сверху, не слышал и никак не мог слышать громкий плач, охватывающий все бескрайнее поле.

Дилан очнулся в третьем часу. Он резко распахнул глаза, сразу же зажмурившись от боли, пронзившей виски. Его тело мелко подрагивало, а ладони, обычно обремененные хоть и перманентным, но все же слабым тремором, тряслись так сильно, что он с трудом смог вытереть мокрую щеку. Это не помогало. Слезы продолжали беспрерывно течь из глаз, и ладони, с усердием трущие щеки до красноты, задыхались, пропитанные влагой.

Дилан сел на край кровати. Футболка, впитавшая пот, неприятно липла к спине, поэтому раздраженный юноша одним движением снял ее и откинул в противоположный угол комнаты. Он встал, захватил полотенце, висевшее на спинке стула, и отправился в душевую в надежде хотя бы слегка приглушить внутреннюю дрожь.

¹⁴ *Mortem effugere nemo potest* (лат.) — «Смерти никто избежать не может»; сентенция Публилия Сира, часто цитируемая Цицероном.

Общая ванная комната, делящаяся на мужское и женское отделения, находилась в конце коридора, ровно в середине стены, — бело-серый вычищенный кафель, ряд разделенных темно-серыми мраморными перегородками душевых, десять когда-то белоснежных раковин и два продолговатых зеркала над ними.

Внутри мужского отделения слышался шум воды. Дилан выбрал дальнюю душевую. Поток горячей воды размягчил его напряженное, иссохшее тело, а главное — голову, и Дилан вдруг вспомнил, что не ел со вчерашнего дня. Душ был отличным способом скрыться от внешнего мира, и, не готовый пока что от этого отказаться, он десятки минут стоял под струями воды и глупо надеялся, что они смоют всю его усталость, весь его голод, всю дрожь, всю его неприязнь к жизни. Но вода этого не умела и быстро ему наскучила, поэтому он закрыл кран, накинул полотенце на бедра и вышел. Пар накрыл ванную комнату, как облако.

Дилан думал, что человек, пришедший до него, давно ушел: вода больше не шумела. Но нет — возле раковин, перед зеркалом, стоял молодой парень, в котором Дилан, подойдя ближе, узнал давнего приятеля, Моргана. На первом курсе они, нечасто, но бывало, баловались музыкой: Дилан играл на барабанах, Морган пел. У Дилана не сложилось, а знакомый его пошел дальше и даже собрал непутевую группу, которая, к большому удивлению всех в Ганне, существовала и по сей день. Впрочем, она была единственной в университете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.